

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА
И РЕЛИГИИ
В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ
НАЧАЛА XIII В.

В Волжской Болгарии доисламского периода нормы обычного права были частью общего языческого мировосприятия, основанного на общетюркских традициях. Система преступлений и наказаний, суда по обычному праву у волжских болгар имела много общего с общественно-правовыми нормами Гуннской державы, Хазарского государства тюркских каганатов, последующих государственно-племенных образований (утригуров, кутиргуров, Причерноморской Болгарии, Дунайской Болгарии и пр.) и т. д. Наряду с этим можно встретить только присущие булгарам элементы применения норм уголовного права, особенно в части наказаний. Ко времени визита Ибн Фадлана в Волжскую Болгарию эффективно действовала своя система наказаний, основанная на многовековых традициях и нормах обычного тюркского права.

Принятие новой веры предопределило включение Среднего Поволжья в орбиту мусульманской цивилизации, на политическом уровне — в категорию стран ислама (дар ал-ислам). Начиная с того времени последующее культурно-историческое развитие региона вплоть до начала XX столетия было сопряжено с динамикой процессов, переживаемых мусульманским миром¹. С принятием ислама как государственной религии произошла переоценка ценностей в сфере общественно-правовых взаимоотношений, уголовной юстиции, системе и принципах наказаний булгарского общества. Нормы шариата постепенно вытесняли древнее право тюрков.

В Волжской Болгарии мусульманского образца претерпели изменения как система наказаний, так и виды, категории самих деяний, считавшихся преступлениями. Как правило, нормы обычного права предусматрива-

ли равноправие всех субъектов права, которыми могли быть только физические лица. Частный характер древнего права проявлялся и в сфере уголовных правоотношений, которые еще не отделялись от гражданско-правовых, что видно из содержания «Русской Правды». Преступления по «Русской Правде» определялись не как нарушение закона или воли правителя, тем более как преступление против государства, а как «обида», т. е. причинение морального и материального вреда лицу или группе лиц.

Нечто подобное мы видим и у волжских болгар начала X в. Хан Алмыш не обвиняет князя племенного объединения сувар Вырыга, отказавшегося принять ислам по его велению, в измене или мятеже, а грозит за сопротивление просто «поразить мечом». Хотя как по важности, так и масштабам проводимых реформ, против которых открыто выступал Вырыг, обвинение в бунте было бы довольно логичным. С другой стороны, Алмыш, вдохновленный присутствием посольства из Багдада, уже начинает официально примерять на себя роль верховного правителя всех болгар-мусульман. Он передал через своего посланника Вырыгу: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я — раб его (Аллаха. — *А. М.*), и это — дело, которое он возложил на меня»².

Однако на тот момент при всем своем желании Алмыш не мог представить поведение предводителя сувар как преступление против государственной власти. Во-первых, болгарское сообщество, состоявшее из конфедерации нескольких племенных групп, было еще далеко не монолитным, как в последующие столетия. Несмотря на то, что Алмыш пользовался огромным авторитетом, на международной арене представлял всех волжских болгар, он, все же, не являлся полноценным правителем всего болгарского сообщества, а, скорее, был «первым среди равных», фактически ответственным за состояние дел в Среднем Поволжье перед хазарами. Во-вторых, несмотря

на всю автономность, относительную самостоятельность, наличие признаков государственности волжские болгары еще не имели независимого, полнокровного государства. Они оставались в положении вассалов Хазарского каганата, господствующая верхушка которого официально исповедовала иудаизм. Булгары были вынуждены подтверждать факт нахождения в государственно-правовом поле хазар регулярной уплатой дани, поставкой войска в армию каганата в случае военных действий, аманатом и т. д.

Ситуация в корне изменилась в конце X в. с исчезновением на карте мира Хазарского каганата вследствие внутренних междоусобиц и сокрушительного похода Святослава. По мере укрепления позиций ислама у болгар появились зачатки понятий преступления против религии и государства. Отныне уголовно наказуемым деянием считалось не только причинение вреда отдельному частному лицу, но и выступления против государственной религии и государства. Как можно заметить по русским летописям, наказанию подвергалось отступление от веры, которое могло непосредственно связываться с изменой родине. Судя по сообщениям летописцев, можно предположить, что у волжских болгар эти два понятия еще не были отделены друг от друга.

Факты, связанные с указанными обстоятельствами, сообщались исследователями в общем контексте истории взаимоотношений Волжской Болгарии с русскими княжествами. Н. Баженов писал, что в Волжской Болгарии в 1229 г. был казнен крещеный за границей болгарский уроженец Авраамий. По возвращении на родину он был схвачен и обезглавлен за принятие христианства. Перед этим его пытались убедить вернуться к своей религии, но купец отказался. Так же был казнен «за свободные толки о вере» Феодор, уроженец Иерусалима³.

Действительно, согласно краткому сообщению Лаврентьевской летописи о событиях 1229-1230 гг., речь шла о «мученике Христове», богатом купце

Авраамии, который «имевшее имение много гостешбу дела по градо вниде Болгарского град». Когда его схватили, то в течение долгого времени принуждали «ласканием и прещением» отступить от «Христа и веры христианския, он же не покорися». Как пишет летописец, после отказа принять ислам, 1 апреля 1229 г. Авраамий был умерщвлен. Русские люди, жившие в Болгаре, взяли его тело и похоронили в гробу на христианском кладбище⁴.

Воскресенская летопись, освещающая те же самые события, сообщала, что Авраамий «бысть же сей иного языка, не русскаго, но христианинъ всый; имение же бе много ему, и гостешбу деаше по землямъ, прииде по Волзе въ лодии во градъ Великий Болгарский. Болгари же видевшее богата его суца, а не отъ Русскихъ град пришедша, и яша его, и нудиша его много дний отврещися Христа»⁵. Как видно, это был состоятельный купец нерусской народности и языка, приехавший в столицу Волжской Болгарии. Однако в источнике напрямую не говорится о его болгарском происхождении. При этом подчеркивается, что Авраамий прибыл в Волжскую Болгарию по Волге не из Руси.

Сразу после казни Авраамия в Болгаре начались систематические пожары, выгорел почти весь город, и «товара погоре множество бесчислено... за кровь Христова», как комментирует это событие суздальский летописец. Почти через год, 9 марта 1230 г., «принесен бысть христов мученик Авраамий Новый из Болгарские земли в славный град Володымеръ». «И взяша мощи святого стратотерпца Аврамыа, и был принесен бы в Володымеръ, и великий князь благочестий Георгий усрете и перед городом за версту с великою честью с свещами, и епископ Митрофан совесм клиросом и со игумены, и княгини з детьми, и вси людье. И положен бысть в церкви святыя богородицы, в монастыри великие княгини Всеволожие»⁶. Об указанных событиях сообщается и в Львовской летописи⁷.

Событие, произошедшее в Волжской Болгарии 1 апреля 1229 г., было воспринято во Владимиро-Суздальском княжестве очень живо и с показным интересом. Торжественная встреча тела Авраамия всем великокняжеским семейством и помещение его в фамильный великокняжеский монастырь похожа на политическую демонстрацию и публичную акцию, что не могло не вызывать недоумений у исследователей.

Учитывая, что других данных о преследовании за исповедание христианской религии в Волжской Болгарии не имелось, исследователи (Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин) задавались правомерным вопросом: «За что собственно пострадал Авраамий?» Известно, что в Волжской Болгарии жило немало православных русских людей, о христианах среди болгарского населения говорится не только в русских летописях, но и в более ранних известиях арабских источников. В религиозной терпимости болгар был уверен и исследователь болгарской истории А. П. Смирнов⁸.

Имеется вполне обоснованное мнение, что Авраамий был умерщвлен не только потому, что был христианином. Почему вслед за казнью Авраамия кто-то поджег город? Чем можно объяснить подобный интерес к этому событию великого князя владимирского, который вряд ли был связан с болгарским купцом родственными связями? Возможно, Авраамий занимался в Волжской Болгарии какой-то деятельностью, неприемлемой для болгарского правительства, но очень интересной для владимирского великого князя. Вероятность такого предположения приверженцы этого мнения обосновывают многочисленными аналогиями российской истории, когда отдельным человеком (к примеру, купцом) проникали воины или служители культа. Тогда становятся понятными и осведомленность владимирского князя о казни Авраамия, и его хлопоты о торжественной встрече во Владимире мощей Авраамия⁹.

Это, на наш взгляд, верное мнение.

ние дает основание предположить, что в Волжской Болгарии начинает формироваться понятие государственного преступления, и определяются наказания за него. Учитывая жизненно важные интересы двух приграничных государств — Руси и Волжской Болгарии — в сфере развития международной и транзитной торговли, контроля над волжскими путями и т. д., их правительству находили в лице купечества своего рода осведомителей и проводников своей политики на территории сопредельного государства. Купцы, совершенно официально проникая на чужую территорию, могли заниматься политическим или экономическим шпионажем. В данном случае мы видим в лице Авраамия купца-булгарина, по всей вероятности завербованного правительством соседнего государства (Владимиросуздальского княжества) для ведения наблюдений и сбора сведений государственной важности. Именно это, по нашему мнению, послужило причиной казни купца. Иначе как объяснить наличие на территории Волжской Болгарии заметного христианского контингента, тем более купцов, свободно исповедующих христианство. Даже обвинение Авраамия в активной пропаганде чуждой для болгар религии вряд ли могло повлечь за собой столь тяжкое наказание.

Появление в Волжской Болгарии понятия «государственное преступление» было обусловлено также изменением политической обстановки в Восточной Европе. К тому времени уже не существовало Хазарского каганата — государства сюзеренного по отношению к Волжской Болгарии, обязанного обеспечить ее безопасность. На территории бывшего каганата, как и в общем всей Степи, отныне хозяйничали половцы, которые не всегда отличались доброжелательностью к булгарам и были крайне ненадежны. С другой стороны мы видим усиление русских княжеств, рост их военно-политического влияния на сопредельные государства. Получив полную самостоятельность Волжская Болгария

остается один на один с сильными соседями, получив и весь спектр связанных с этим проблем. Таким образом, появление понятия «государственное преступление» в Волжской Болгарии связано именно с международной обстановкой, а не с фактом принятия ислама. Это подтверждает и пример русских княжеств. Известно, что понятие «перевет» в Псковской судной грамоте появилось из-за близости к враждебному Тевтонскому ордену и Литве, т. е. было обусловлено внешней угрозой.

Несмотря на известную веротерпимость стоит ли отмечать существование у волжских болгар наказаний и за вероотступничество? Например, в 1323 г. в Булгаре был казнен христианин Феодор. Это был состоятельный гость из Кодеса (Иерусалим), философ, который часто затевал с булгарами споры относительно религии¹⁰. Во всяком случае, другой известной нам «вины» за этим человеком формально не числится. Сам факт казни в условиях Волжской Болгарии золотоордынского периода подтверждает существование у болгар наказаний за религиозные преступления.

Появление такого вида преступлений может быть понятно в контексте политической и экономической борьбы между двумя сторонами. Если вспомнить регулярные русско-булгарские военные конфликты и столкновения, стремление обеих сторон к экономическому превосходству, то наличие наказаний за подобные преступления вовсе не удивительно. Наказания за вероотступничество могли стать своего рода средством сохранения булгарской общности не только на родственной, но и на религиозной основе.

В истории Волжской Болгарии золотоордынского периода мы видим преследования на религиозной почве. Так Р. Амирханов указывал ученого-суфия Хасана Булгари, о котором повествовал Ш. Марджани. Факт приговора к смерти и спасение бегством в Среднюю Азию этого ученого, Р. Амирханов связывает с попыткой распространения в Булгарии враждебного исламу учения. Это вполне ве-

роятно, пишет он, если иметь в виду то, что учитель Х. Булгари шейх Сагдетдин ал-Хамави (живший в Хорезме и Хорасане, умерший в 1252-1253 гг.) «мог пребывать в различных состояниях и творить чудеса», что в глазах исламских ортодоксов было признаком ереси. Способностью «пребывать в состоянии божественного экстаза» обладал и сам Х. Булгари, который вполне мог во время таких «сеансов» внушать своим мюридам еретические, с точки зрения булгарских ортодоксов, взгляды и представления¹¹.

Понятие «измена» входит и в литературные произведения булгар. В «Сказании о Юсуфе» главный герой

обвиняет в подобных деяниях своих братьев: «Изменники вы все, и ваш поступок лих, и я вас уличил в деяниях дурных. Намеревались вы нас устроить». О серьезности такого обвинения говорят слова Юсуфа, что за это «мучений, пыток вам я вдоволь бы припас!»¹²

Таким образом, мы можем с большой долей вероятности предположить, что к началу XIII в. в Волжской Булгарии существовало понятие преступлений против государства и религии. За эти преступления были определены наказания*.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-11-16011.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. – Казань, 2010. – С. 61-62.
2. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956. – С. 139.
3. Баженов Н. Казанская история. Ч. I. Казанское царство. – Казань, 1847. – С. 5, 7.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. – Л., 1962. – С. 452-453.
5. Русские летописи. Т. II. Воскресенская летопись / Подг. к изд. А. И. Цепковым. – Рязань, 1998. – 184 с.
6. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись... – С. 453.
7. Русские летописи. Т. IV. Львовская летопись / Подг. к изд. А. И. Цепковым. – Рязань, 1999. – С. 201.
8. Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – Вып. I. – С. 144.
9. Там же.
10. Ахмеров Г. Н. Избранные труды. – Казань, 1998. – С. 49.
11. Амирханов Р. М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII — середина XVI вв.). – Казань, 1993. – С. 45.
12. Кул Гали. Сказание о Йусуфе / Пер. С. Иванова. – Казань, 1985. – С. 211.

Алмаз Мухаммадеев,
кандидат исторических наук

